

УДК 811.111+81'25

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АВСТРАЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Писковец Татьяна Андреевна

- e-mail: tapiskovets@mail.ru;
кандидат филологических наук, независимый исследователь
г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования

Писковец Т. А.

Межкультурная адаптация австралийских фразеологизмов (на материале австралийских художественных текстов и их переводов на русский язык) // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 11.12.2023
- Статья размещена на сайте 13.03.2024

СТРУКТУРА СТАТЬИ

[Аннотация](#)

[Ключевые слова](#)

[Введение](#)

[Типология австралийских фразеологизмов](#)

[Перевод австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом на русский язык](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

[Article information](#)

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление особенностей передачи австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом на русский язык.

Процедура и методы. В основу исследования положен материал, полученный в результате сравнительно-сопоставительного анализа произведений австралийской художественной литературы и их русских переводов.

Результаты. Выявлено, что при передаче австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом переводчики используют в основном средства нефразеологического перевода, калькирование и контекстуальный перевод, иногда допуская семантические неточности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет определить основные переводческие стратегии при передаче локально маркированных фразеологизмов с ярко выраженной национально-культурной спецификой. Содержащийся в работе материал и результаты его анализа могут быть использованы при изучении австралийского варианта английского языка, а также при преподавании курсов теории и практики художественного перевода в высших учебных заведениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

австралийский вариант английского языка, контекстуальный перевод, национально-культурный компонент, нефразеологический перевод, фразеологизм, художественный текст

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, фразеология любого языка является одним из наиболее ярких средств выразительности, поскольку во фразеологизмах «скрыта уникальная национально-культурная картина мира, в них представлен образ мышления, жизненный опыт того или иного народа, нравственные устои и духовные ценности многих поколений человечества» [7, с. 114]. В силу своей образности и экспрессивности фразеология требует особого подхода при межъязыковой передаче. В. С. Виноградов отмечает, что при переводе фразеологии «необходимо сохранить смысловое, эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание, которое передавалось со-

ответствующими устойчивыми словосочетаниями в контексте оригинала» [4, с. 184].

Следует отметить, что многие фразеологизмы варьируются не только по стилистической и эмоциональной насыщенности, но и по территориальной принадлежности. Такие локально маркированные фразеологизмы представляют особенный интерес для сопоставительного исследования, поскольку зачастую основаны на специфичных для соответствующей лингвокультуры образах, не имеющих эквивалентов в других языках. При их межъязыковой передаче встаёт вопрос не только об адекватной репрезентации фразеологической единицы (далее – ФЕ) в переводе, но и о самой возможности сохранить колорит фразеологизма.

В современном переводоведении сложились два основных подхода в отношении передачи ФЕ: *фразеологический перевод*, который заключается в подборе эквивалента или аналога, и *нефразеологический перевод*, который состоит в использовании лексического перевода, калькирования, описательного или контекстуального перевода [5, с. 207–214].

Наиболее предпочтительным способом передачи фразеологизма считается поиск переводческого эквивалента, т. е. фразеологизма языка перевода (далее – ПЯ), полностью эквивалентного фразеологизму исходного языка (далее – ИЯ) по смысловому содержанию, образности, функциональности и стилистической окраске. Следует, однако, отметить, что число подобных идентичных соответствий между языками очень невелико. Как правило, это интернациональные выражения, заимствованные из латинского и греческого языков (например, *the Augean stables* – «Авгиевы конюшни») или же имеющие библейское происхождение (например, *Belshazzar's feast* – «Вальтасаров пир»). Применительно же к фразеологизмам с национальным колоритом говорить об эквивалентных соответствиях не приходится, поскольку, как отмечают болгарские переводоведы С. И. Влахов и С. П. Флорин, «эквивалентность предполагает идентичность всех показателей, в том числе национальной окраски, а это практически невозможно» [5, с. 231].

Другим возможным приёмом перевода фразеологизма ИЯ может стать подбор аналога, т. е. фразеологизма ПЯ, имеющего иную метафорическую основу. Однако и в этом случае переводчик может столкнуться с рядом ограничений. Так, сходные по значению, но разные по форме фразеологизмы не всегда

взаимозаменяемы, поскольку могут иметь различную эмоционально-ассоциативную окраску. Кроме того, даже если в ПЯ существует аналог, адекватный с семантико-стилистической точки зрения, он неизбежно будет основан на ином образе, что может быть недопустимо в конкретном контексте. И, наконец, аналог в ПЯ может обладать собственной национально-культурной спецификой, и в этой связи следует упомянуть о важном правиле, безоговорочно принятом в теории перевода в отношении передачи фразеологизмов: недопустимо подменять иностранный колорит своим.

Использование же приёмов нефразеологического перевода многие исследователи признают нежелательным в силу того, что фразеологизм неизбежно теряет не только свой колорит, но и, самое главное, свою образность, метафорическую основу, афористичность. Следует в то же время отметить, что сопоставительные исследования последних лет, посвящённые вопросу межкультурной передачи фразеологизмов в дискурсе художественной литературы, демонстрируют высокую частотность применения средств нефразеологического перевода [3; 6].

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей передачи австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом на русский язык.

В ходе работы применялись следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод классификации и систематизации языкового материала, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ, анализ словарных дефиниций.

Теоретической базой исследования послужили труды по теории и практике перевода В. С. Виноградова [4], С. И. Влахова, С. П. Флорина [5], В. Н. Комиссарова [8], Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцевой [13], в которых анализируются различные аспекты передачи фразеологизмов, а также работы, посвящённые изучению австралийского варианта английского языка и австралийской фразеологии: Ю. А. Акопян [1], Л. Э. Романюк [12], С. Дж. Бейкера (S. J. Baker) [14], К. Ричардса (K. Richards) [15].

Материалом исследования послужили оригинальные художественные тексты австралийских писателей и их переводы на русский язык:

1) рассказ Г. Лоусона «В трауре они ждут на пристани» (*"They Wait on the Wharf in Black"*, 1898), пер. с англ. Э. Питерской;

2) роман К. С. Причард «Кунард» (*"Coonardoo"*, 1929), пер. с англ. Т. Озерской, Э. Питерской;

3) рассказ В. Палмера «Выброшенный за борт» (*"Jettisoned"*, 1931), пер. с англ. Н. Ветошкиной;

4) рассказ А. Маршалла «Любители приврать и сочинители небылиц» (*"Liars and Yarn Spinners"*, 1950-е гг.¹), пер. с англ. Л. Завьяловой.

Следует отметить, что в качестве материала исследования были выбраны произведения преимущественно конца XIX – первой половины XX вв. Анализ художественной литературы Австралии в диахроническом аспекте показывает, что австралийские произведения именно этого периода обладают наиболее ярким национальным колоритом. Этот факт объясняется культурно-историческими особенностями развития австралийской литературы.

Как известно, заселение австралийского континента европейцами началось в 1788 г., когда была основана британская колония Новый Южный Уэльс. Первые литературные произведения появились в Австралии в начале XIX в., однако для них была характерна зависимость от традиций английской классической литературы конца XVIII – начала XIX вв. Независимая австралийская литература начала складываться благодаря еженедельному общественно-политическому журналу «Бюллетень» (*"The Bulletin"*), также известному как «Библия жителей буша» (*"Bushman's Bible"*), который был основан в 1880 г. С этого момента и вплоть до середины XX в. в австралийской литературе преобладало реалистическое направление, основными темами которого стали освоение австралийского континента, столкновение человека с суровыми природными условиями и социальной несправедливостью, жизнь первых поселенцев, трагическая судьба коренного населения Австралии.

Литературные произведения этого периода представляют богатый материал для лингвистического исследования, поскольку в них широко представлены разнообразные компоненты живой австралийской речи: слова-реалии, обозначающие характерные явления австралийской действительности, вкрапления из многочисленных аборигенных языков, отклонения

¹ Точная дата написания этого рассказа неизвестна. Он был выпущен в сборнике «Австралия Алана Маршалла» (*"Alan Marshall's Australia"*) в 1981 г., в который вошли публикации писателя для журналов *"Permewan's Review"* и *"The Australasian Post"*, где в 1950-е гг. Алан Маршалл вёл авторские колонки о жизни в австралийском буше.

от литературной нормы, отражающие фонетические и грамматические особенности австралийского варианта английского языка, а также австралийские фразеологизмы, обладающие неповторимым национальным колоритом. Многие языковые особенности австралийского варианта английского языка, зафиксированные в этих произведениях, актуальны и сегодня.

ТИПОЛОГИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы в австралийском варианте английского языка можно условно разделить на две группы: фразеологизмы, совпадающие с основным фондом английского языка, а также фразеологизмы, распространённые исключительно на территории Австралии.

В специальной литературе для обозначения австралийских фразеологизмов используется термин «ФЕ-австрализмы», под которым понимаются фразеологизмы, возникшие в австралийском варианте английского языка и «характеризующиеся именно австралийским употреблением, появление которых обусловлено необходимостью номинации как универсальных, так и специфичных для данной культуры явлений» [2, с. 2253]. В словарях австралийские фразеологизмы, как правило, имеют соответствующее указание на принадлежность к австралийскому варианту английского языка: *Au. (Austr., Australian)* – в англоязычных словарях, *австрал.* – в русскоязычных.

Можно выделить две категории австралийских фразеологизмов с точки зрения их структуры: 1) австралийские фразеологизмы, не имеющие в составе национально-культурного компонента; 2) австралийские фразеологизмы, в состав которых входит национально-культурный компонент (реалия, имя собственное). Подробнее рассмотрим особенности каждой категории.

Как отмечают Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцева, образ, положенный в основу фразеологизма, «может быть присущ именно данному этнокультурному коллективу, но сам по себе не содержать в своём составе элементов, свойственных именно данной культуре (т. е. этнографических или культурологических лакун)» [13, с. 118]. Так, в австралийском варианте английского языка можно встретить фразеологизмы, которые являются специфически австралийскими, но при этом не содержат в своём составе элементов с национальным колоритом. Как

правило, такие ФЕ были заимствованы из других вариантов английского языка и в процессе переосмысления расширили своё значение или приобрели новое.

Например, ни один из компонентов австралийского фразеологизма *run rings round*, взятых в отдельности, не обладает характерным национальным колоритом. Первоначально данный фразеологизм использовался в английском охотничьем жаргоне для описания траектории движения зайца, уходящего от преследования («бежать кругами», «петлять»). Однако с конца XIX в. это выражение получило распространение в Австралии и Новой Зеландии в фигуральном значении «перехитрить, превзойти (соперника)»². В этом значении фразеологизм использован в романе К. С. Причард «Кунард», посвящённом жизни австралийских поселенцев на отдалённой скотоводческой ферме:

*"She might have been able to run a station; but Mollie bet herself, any money she liked, she would **run rings round** Mrs. Bessie, housekeeping"*³.

В данном примере этот фразеологизм играет важную стилистическую функцию, подчёркивая соперничество, возникшее между невесткой и свекровью, хозяйкой фермы. В переводе на русский язык удачно использован переводческий аналог:

«Может быть, она и умела управлять фермой, но что касается домашнего хозяйства, то тут Молли могла побиться об заклад, что **даст ей сто очков вперед**»⁴.

Иногда в процессе переосмысления фразеологизма некоторые его компоненты могут приобрести специфические национальные черты. Так, австралийский разговорный фразеологизм *to spin a yarn*, на первый взгляд, также не содержит в своём составе элементов с национально-культурной спецификой. Это разговорное выражение восходит к американскому морскому жаргону и означает «сочинять длинную историю, рассказывать небылицы»⁵. Несмотря на то, что фразеологизм *to spin a yarn* используется и в других вариантах английского языка

² The Phrase Finder [Электронный ресурс]. URL: <http://phrases.org.uk/meanings/run-rings-around.html> (дата обращения: 20.09.2023).

³ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 114.

⁴ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 123.

⁵ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 844.

ка, лексема *yarn*, входящая в состав этого выражения, стала важным элементом австралийской национальной культуры.

Ярн – фольклорный жанр устного рассказа о жизни первых поселенцев Австралии: фермеров, золотоискателей, беглых торговщиков, гуртовщиков, сезонных рабочих, объездчиков лошадей. Эти рассказы о тяготах жизни в австралийском буше и судьбах простых людей придумывались стихийно, в момент речи, а затем передавались из уст в уста, постепенно обрастая всё новыми наблюдениями и небылицами иногда до такой степени, что уже невозможно было отличить правду от вымысла. Интерес к данному жанру не ослабевает и в наши дни, о чём свидетельствуют современные издания сборников австралийских рассказов в стиле ярна: *"Fair Dinkum Yarns from the Australian View"* (Peter Rake, 2013), *"The Big Book of Great Australian Bush Yarns"* (Graham Seal, 2020), *"Great Australian Outback Yarns"* (Bill Marsh, 2021).

Таким образом, слово *yarn* в составе австралийского фразеологизма *to spin a yarn* обладает сильной коннотацией, которую сложно перевести на русский язык без подробного толкования. Например, в переводе рассказа А. Маршалла «Любители приврать и сочинители небылиц», посвящённого австралийскому ярну, передано лишь смысловое значение этого устойчивого выражения:

*"I've never met a chap who could **spin a better yarn**," my friend said*⁶. / «– Я не встречал человека, который **сочинял бы небылицы лучше** его, – сказал он»⁷.

Анализ материала исследования показал, что, как правило, австралийские фразеологизмы, не содержащие в своём составе элементов с национально-культурной спецификой, имеют устоявшиеся соответствия в русском языке и поэтому не вызывают особых трудностей при переводе. Выбор способа передачи зависит от контекста и стилистических особенностей исходного текста, например:

*"He smiled gratefully to her for **"cracking hardy"**, pretending, she was not tired when her back ached and her head swayed giddily on the long days driving, and gazing through dust and blinding sunshine, over the ever-widening, ever-distancing plains*⁸. / «Он благодарно улы-

⁶ Marshall A. Liars and Yarn Spinners // Alan Marshall's Australia. Melbourne: Hyland House, 1981. P. 32.

⁷ Маршалл А. Любители приврать и сочинители небылиц // Маршалл А. Избранное / пер. Л. Завьяловой. М.: Правда, 1986. С. 441.

⁸ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. P. 112–113.

бался ей, когда она старалась «**держаться молодцом**» и делала вид, что не устала, хотя у нее ныла спина и кружилась голова от пыли, ослепительного солнца и тряски по широкой равнине, которой, казалось, не было ни конца ни края»⁹.

Большой интерес для данного исследования представляют фразеологизмы второй категории, а именно австралийские фразеологизмы с национально-культурным компонентом в составе.

В исследовании, посвящённом локальной маркированности австралийских фразеологизмов, Л. Э. Романюк отмечает, что «наибольшее количество ФЕ-австрализмов появилось в связи с историческими событиями, особенностями колонизации и заселения континента, со становлением национальной культуры, со спецификой трудовой деятельности населения и т. д.» [12, с. 15]. Следствием влияния экстралингвистических факторов на формирование австралийской фразеологии стало образование большого количества фразеологизмов с культурно-окрашенной лексической единицей в составе, которые обладают яркой национально-культурной спецификой, например: *on the wallaby* – «вести кочевой образ жизни, бродяжничать», *poor as a bandicoot* – «беден, как бандикут», *furphy king* – «распространитель слухов», *to be up a gumtree* – «находиться в затруднительном положении», *to have kangaroos in one's paddock* – «о человеке, у которого "не все дома"», *mulga wire* – «ложные слухи», *to bring wattle bloom* – «накликать беду»¹⁰. При переводе на русский язык эти фразеологизмы вызывают целый ряд трудностей, о которых пойдёт речь далее.

ПЕРЕВОД АВСТРАЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Как показал анализ материала исследования, основная сложность при переводе австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом заключается в том, что такие фразеологизмы не имеют эквивалентов или аналогов в русском языке. Например, в русскоязычных словарях пред-

⁹ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 121.

¹⁰ Примеры фразеологизмов приводятся по: Орлов Г. А. Современный английский язык в Австралии. М.: Высшая школа, 1978. С. 161–170.

ставлены только приблизительные описательные толкования для австралийского фразеологизма *go bush*:

– «скрываться в зарослях (буше) и жить разбоем (о беглом преступнике)», «уехать в провинцию», «уехать в неизвестном направлении (бросив работу, жильё)», «одичать, вернуться к первобытному состоянию (о животных)»¹¹;

– «пренебрегать условиями цивилизованной жизни», «избрать деревенский образ жизни»¹².

Для понимания фразеологизма *go bush* важно подробнее остановиться на реалии *bush*, которая является одним из ключевых понятий австралийской лингвокультуры.

Многие известные австралийские писатели, например, основоположники австралийской литературной школы Генри Лоусон и Эндрю Бартон Паттерсон (Банджо Паттерсон), воспевали буш как неотъемлемую часть австралийского национального духа, символ подлинной Австралии.

В австралийском варианте английского языка лексема *bush*, помимо общеупотребительных значений «куст», «кустарник», имеет множество разнообразных дефиниций и может обозначать как совокупность эндемичной для Австралии флоры и фауны, так и обширную внутреннюю часть австралийского континента. Отмечая сложность понятия *bush* в австралийском варианте английского языка, Ю. А. Акопян выделяет следующие значения этой лексемы: «лес, лесистая местность» в противоположность открытой местности; «любой участок местности, район, находящийся во внутренней части страны»; «вся внутренняя часть страны, противопоставленная понятию “город”»; «прибрежные районы страны» [1, с. 56].

Кроме того, слово *bush* обладает широкой лексической сочетаемостью. Так, в лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» представлено несколько десятков понятий, компонентом которых является лексема *bush*, например: *bush dweller* – «представитель фауны буша или житель буша», *bush hospitality* – «гостеприимство по-австралийски», *bushcraft* – «умение путешествовать и жить в буше с минимумом снаряжения и без чьей-л. помощи», *bushman* – «житель буша, глубинки» и т. д.¹³.

¹¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 115.

¹² Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 64.

¹³ Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук.

Таким образом, австралийское выражение *go bush* содержит в себе целый комплекс культурных понятий и ассоциаций, которые сложно сохранить при переводе на русский язык, не прибегая к развёрнутым толкованиям. Например, в романе «Кунард» для передачи этого фразеологизма использован контекстуальный перевод:

*"In all her years on Wytaliba they had not been away on pink-eye once. Now and then old Joey and his gins would go bush for a month or so"*¹⁴. / «За всю её жизнь в Вайталибе всё племя ни разу не уходило с фермы на празднества в других местах. Только старый Джои и его жены порой **уходили** на месяц или два»¹⁵.

Очевидно, что перевод «уходили» не раскрывает всего богатства значения фразеологизма *go bush*. В данном примере речь идёт о том, что время от времени аборигены покидали ферму и уходили в австралийский буш, возвращаясь к своему традиционному укладу жизни. Потерю колорита частично компенсирует широкий контекст – несколько предшествующих абзацев посвящены описанию ритуальных празднеств австралийских аборигенов. Однако такой перевод всё же нельзя назвать полноценным, поскольку указанный фразеологизм полностью растворился в контексте.

Помимо уже рассмотренного выше выражения *go bush*, в следующем небольшом отрывке из сказки аборигенов обращает на себя внимание австралийский фразеологизм *go walkabout*, который не зафиксирован в русскоязычных лексикографических источниках:

*"Turkey say, emu go walkabout all day; got no kids. Emu say, 'Eeh-mm, got weary bugger (plenty) kids.' Emu go bush, come back with plenty kids. Turkey got only cootharra (two) kids"*¹⁶.

В словаре австралийского варианта английского языка *"The Macquarie Dictionary"* выражение *"go walkabout"* означает *"to wander around the country in a nomadic manner"*¹⁷ («кочевать по стране» (перевод наш – Т. П.)). Лексема *walkabout* в составе этого фразеологизма предположительно происходит из австралийского пиджин-инглиша и означает «период кочевой жизни аборигенов»¹⁸.

В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 64–65.

¹⁴ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 100.

¹⁵ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 108.

¹⁶ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 139.

¹⁷ The Macquarie Dictionary. NSW: Macquarie Library Pty. Ltd., 1982. Р. 1951.

¹⁸ Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук.

Анализируя концепт *walkabout*, В. В. Ощепкова отмечает, что образ австралийского аборигена «неразрывно связан с ритуальным бродяжничеством, представляющим собой один из компонентов длительного и сложного процесса инициации, к прохождению которого мальчика-аборигена тщательно готовили, приобщая к культурной памяти племени через запоминание мифов, циклов песен, ритуалов, вырабатывая у него терпение к физической боли и лишениям» [10, с. 95]. Следует отметить, что со временем значение понятия *walkabout* значительно расширилось, и теперь оно не только связано с традиционной культурой аборигенов, но и является важным компонентом австралийской национальной картины мира в целом.

Примечательно, что в русском переводе указанного отрывка для передачи австралийских фразеологизмов *go walkabout* и *go bush* использовано калькирование, которое в данном случае служит средством нарочитого упрощения текста:

«Индюшка сказала, что ему только **бегаёт кругом** целый день, а детей у неё нет. А ему говорит: «У меня очень много детей». **Пошла в кусты** и привела оттуда много-много детей. А у индюшки только двое детей»¹⁹.

На оправданность такого подхода указывает стиль оригинального текста: добавление вкраплений из языков австралийских аборигенов с авторским пояснением *bugger (plenty)*, *sootharra (two)*, а также использование отклонений от литературной нормы английского языка, имитирующих ломаную речь аборигенов. В совокупности эти стилистические приёмы служат средством индивидуализации речи персонажа, подчёркивая немного наивную и детскую манеру изложения сказки, а также позволяя придать тексту сильную национально-культурную окраску, которая, однако, не сохранена в переводе.

В отношении передачи фразеологизмов *go bush* и *go walkabout* следует отметить, что пословная передача этих устойчивых выражений привела к искажению их семантического значения, поэтому с точки зрения словарного значения этих фразеологизмов перевод нельзя назвать верным.

Таким образом, в спорных случаях анализ значения реалии, входящей в состав фразеологизма, нередко позволяет лучше понять значение самого устойчивого выражения. Однако сле-

В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 195.

¹⁹ Причард К. С. Кунард / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 150.

дует сделать оговорку, что применение данного подхода возможно только при минимальной степени слитности компонентов ФЕ²⁰. Например, при работе с австралийским фразеологизмом *on the wallaby* («бродяжничать»; дословный перевод: «верхом на кенгуру») анализ значения реалии будет неэффективен, поскольку степень слитности его компонентов высока.

Кроме того, следует отметить, что не всегда возможно установить точное значение реалии, входящей в состав фразеологизма, как, например, в австралийском компаративном фразеологизме *as happy as larry*, который не зафиксирован в русскоязычных лексикографических источниках. Это устойчивое выражение используется в австралийском варианте английского языка, когда говорят об очень счастливом человеке. Существует две версии происхождения этой фразы. Согласно одной из них это выражение появилось в конце XIX в. в Австралии и связано с именем известного австралийского боксёра Ларри Фоли (*Larry Foley*), который не проиграл ни одного поединка, а за победу в своём финальном бою в 1870 г. получил внушительное денежное вознаграждение²¹.

По другой версии, лексема *larry* представляет собой сокращённый вариант слова *larrikin*, которое означает «уличный хулиган»²². В. В. Ощепкова отмечает, что «в коллективном австралийском сознании существует типаж “Larrikin” – человек, отрицающий социальные и политические условности...», при этом «отношение к Larrikin в австралийской лингвокультуре двояко: настороженное, и, одновременно, восторженное как к человеку, воплощающему подлинные австралийские черты, типичному австралийцу» [11, с. 138].

Компаративные ФЕ часто переводятся при помощи калькирования, однако в данном случае фразеологизм *as happy as larry* обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой, поэтому его перевод требует взвешенного и осто-

²⁰ В соответствии с традиционной классификацией фразеологических единиц, разработанной академиком В. В. Виноградовым, выделяются три категории фразеологизмов в порядке убывания степени слитности их компонентов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания. См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–160.

²¹ The Phrase Finder [Электронный ресурс]. URL: <http://phrases.org.uk/meanings/as-happy-as-larry.html> (дата обращения: 20.09.2023).

²² Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 128.

рожного подхода, что иллюстрирует следующий пример из романа «Кунарду»:

*"It's got a taste for me, dad, the sight and sound of everything. Food for my soul, that's what it is. Oh, I'm **as happy as larry** and we're going out mustering presently, aren't we?"*²³ / «Этот край нераздельно владеет моей душой. Здесь всё такое близкое, родное. Я чувствую себя **свободной и счастливой, как птица**. А завтра мы отправимся объезжать стада, да, папа?»²⁴.

В данном случае переводчики, вероятно, руководствовались аналогией со словом *lark* («жаворонок») и передали фразеологизм при помощи контекстуального перевода, допустив, на первый взгляд, семантическую неточность. Однако на оправданность такого подхода указывает контекст. По сюжету молодая девушка Филлис, разочаровавшись в городской светской жизни, возвращается домой к отцу на скотоводческую ферму и с энтузиазмом принимается помогать по хозяйству, не боясь самой тяжёлой и грубой работы. Девушка уверена, что именно дома она будет по-настоящему счастлива. Использование приёма калькирования, т. е. сохранение в переводе первоначального австралийского образа «счастлива, как боксер Ларри» или «счастлива, как уличный хулиган», в данном случае будет неуместно.

Национальный колорит фразеологизма также может выражаться в наличии имени собственного, реального или вымышленного. Яркой особенностью австралийского варианта английского языка являются фразеологизмы, содержащие в своем составе антропонимы или зоонимы, например: *waltzing Matilda* – «узелок бродяги», *as game as Ned Kelly* – «храбрый» (по имени австралийского бушрейнджера Неда Келли); *as many farewells as Nelly Melba* – о человеке, который попрощался, но никак не уходит (по имени австралийской оперной певицы Нелли Мельбы); *a heart as big as Phar Lap* – «бесстрашный, отважный» (по имени знаменитой австралийской скаковой лошади).

Австралийские фразеологизмы с именем собственным в составе обладают интересной этимологией. Например, известное австралийское выражение *Buckley's chance* имеет две версии происхождения. Согласно первой – и наиболее распространённой – выражение связано с именем английского

²³ Prichard K. S. Coonardoo. М.: Прогресс, 1973. Р. 180.

²⁴ Причард К. С. Кунарду / пер. Т. Озерской, Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 196.

каторжника Уильяма Бакли (*William Buckley*), который после побега из австралийской тюрьмы в 1803 г. более тридцати лет скрывался от правосудия в племени австралийских аборигенов. Согласно другой версии фразеологизм появился благодаря известному австралийскому магазину "*Buckley & Nunn*", открытому в Мельбурне в 1851 г. Марсом Бакли (*Mars Buckley*) и Крамптоном Джоном Нанном (*Crumpton John Nunn*). Созвучие слов "*Nunn*" и "*none*" послужило основой для игры слов: "*There are just two chances, Buckley's or None*"²⁵ («Есть только два шанса: Бакли или никакой» (перевод наш – Т. П.)).

Фразеологизм "*Buckley's chance*" используется в австралийском варианте английского языка, когда хотят сказать, что шанс на успех в каком-либо деле крайне мал. Приведём пример из рассказа В. Палмера «Выброшенный за борт»:

*"It's all right gathering it together", he gibed, "but how're going to get it home? You've got Buckley's chance of running a truck onto this beach"*²⁶.

В лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» для фразеологизма *Buckley's chance* предложен калькированный вариант перевода с комментарием: «шанс Бакли (никакого шанса или ничтожно малый шанс на успех)»²⁷. Следует отметить, что использование варианта «шанс Бакли» в тексте перевода приведёт к оживлению стёртого образа и тем самым заострит внимание читателя на некоем Бакли, что требует от переводчика добавления сноски или комментария. Поэтому наиболее подходящим будет вариант перевода, логически связанный с контекстом:

«– Ну ладно, вот сложите вы их в одно место, – ухмыльнулся он, – а домой как же доставите? На машине ведь сюда **незаметно не проехать**»²⁸.

В ходе анализа материала исследования нами также был обнаружен пример использования так называемого нулевого перевода:

"What did you follow him below that time for, Mitchell?" I asked presently, for want of something better to say. Mitchell looked at me

²⁵ Brewer's Dictionary of Phrase and Fable. Great Britain: Cassell Publishers Ltd., 1989. P. 164.

²⁶ Palmer V. Jettisoned // Australian Short Stories. М.: Прорпесс, 1975. P. 109.

²⁷ Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Русский язык, 2001. С. 62.

²⁸ Палмер В. Выброшенный за борт // 40 австралийских новелл / пер. Н. Веттошкиной. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 24.

out of the corners of his eyes. "I wanted to score a drink!" he said. "I thought he wanted one and wouldn't like to be a Jimmy Woodser"²⁹. / «— Зачем ты с ним вниз ходил? — спросил я Митчелла, чтобы хоть что-нибудь сказать. Митчелл искоса взглянул на меня. — Выпить мне что-то захотелось! — сказал он. — Показалось мне, что и он тоже не прочь, — вот я и пошёл»³⁰.

Данный пример интересен тем, что переводчица Э. Питерская отказалась от передачи фразеологического оборота на русский язык.

В австралийском варианте английского языка *a Jimmy Woodser* — «человек, пьющий в одиночку»³¹. Лексема *Jimmy Woodser* образовалась в результате слияния имени собственного со словом *sir*: "...A martyr to my faith, that's **Jimmy Wood, sir**..." [1, с. 69]. Антропоним *Jimmy Woodser* имеет отрицательную коннотацию и предположительно получил распространение благодаря стихотворению австралийского поэта Баркрофта Боака (*Barcroft Boake*) "*A Bar-Room Ballad*", в котором автор «характеризует свой персонаж как человека, у которого отсутствует чувство товарищества (*mateship*), очень ценимое австралийцами, потребность угостить другого и самому принять угощение, который не принимает австрализма *to shout* в значении "угощать в баре" как манеру поведения, обычай» [1, с. 69].

Следует отметить, что опущение того или иного элемента текста произведения в ПЯ далеко не всегда свидетельствует о недостаточной компетенции переводчика. И. О. Мазирка и Г. Т. Хухуни отмечают, что отказ переводчика воспроизвести отдельные единицы или фрагменты ИЯ может быть связан как с внешними факторами, обусловленными соображениями цензурного характера, так и с желанием переводчика отказаться от комментариев и примечаний с целью облегчить восприятие текста читателем [9]. Поскольку мастерство переводчицы Э. Питерской, выполнившей целый ряд переводов произведений австралийской литературы, не вызывает сомнений, в данном случае можно говорить о попытке адаптировать текст для русскоязычного читателя.

²⁹ Lawson H. They Wait on the Wharf in Black // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. Р 46.

³⁰ Лоусон Г. В трауре они ждут на пристани // Генри Лоусон. Рассказы / пер. Э. Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 203.

³¹ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. С. 416.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при передаче австралийских фразеологизмов с национально-культурным компонентом переводчики используют в основном средства нефразеологического перевода, калькирование или контекстуальный перевод, иногда допуская семантические неточности. При этом контекстуальный перевод оказывается наиболее предпочтительным способом перевода. В ходе анализа материала исследования был обнаружен также пример использования нулевого перевода.

В целом анализ передачи австралийских фразеологизмов на русский язык позволяет сделать вывод, что переводчики стремятся адаптировать австралийские фразеологизмы для русскоязычного читателя, не перегружая переводной текст культурной информацией.

Следует отметить, что в рассмотренных примерах сохранение колорита возможно только при добавлении комментария, раскрывающего значение выражения и его значимость для австралийской лингвокультуры. Однако ввиду известной громоздкости и избыточности такого подхода к нему следует обращаться лишь в том случае, если коннотативное значение лексической единицы является важным для понимания текста художественного произведения.

Проведённое исследование позволяет определить основные переводческие стратегии при передаче локально маркированных фразеологизмов с ярко выраженной национально-культурной спецификой. Результаты исследования могут найти применение при составлении лекционных курсов по теории и практике художественного перевода, а также при изучении австралийского варианта английского языка.

Перспективным представляется дальнейшее изучение особенностей перевода локально маркированных фразеологизмов на материале территориальных вариантов разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян Ю. А. Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка (на материале австралийской поэзии): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 159 с.
2. Бадмаева Е. С., Шагланова Е. А., Бурцева Э. В. Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в австралийском варианте английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 7. С. 2251–2257.

3. Вашкявичус В. Ю., Павлова О. В. Проблемы перевода китайских фразеологических единиц в дискурсе художественной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 304–307.
4. Виноградов В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 6-е изд. М.: ИД КДУ, 2017. 238 с.
5. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2012. 406 с.
6. Гололобова Н. И. Фразеологические единицы в произведениях Д. Г. Лоуренса и их перевод на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2020. 23 с.
7. Жирова И. Г. Фразеологический дискурс и его трансляторные возможности // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2020. № 3. С. 113–122.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2017. 408 с.
9. Мазирка И. О., Хухуни Г. Т. К вопросу о так называемом «нулевом переводе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 65–70.
10. Ощепкова В. В. Встраивание аборигенного концепта “walkabout” в национальную австралийскую картину мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 94–104.
11. Ощепкова В. В. Лингвокультурный типаж “larrikin” в австралийской и новозеландской лингвокультурах // Актуальные вопросы вариантологии, коммуникативистики и когнитивистики: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 24 апреля 2020 г. М.: Московский государственный областной университет, 2020. С. 135–138.
12. Романюк Л. Э. Локальная маркированность фразеологических единиц (на материале субстантивных и глагольных фразеологизмов австралийского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 132 с.
13. Хухуни Г. Т., Валуццева И. И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 171 с.
14. Baker S. J. The Australian Language. Milson's Point (NSW): Currawong Press, 1978. 517 p.
15. Richards K. The Story of Australian English. Sydney (NSW): NewSouth Publishing, 2015. 292 p.

ARTICLE INFORMATION

Author

Piskovets Tatyana Andreevna

- e-mail: tapiskovets@mail.ru;
Cand. Sci. (Philology), an independent researcher
Moscow, Russian Federation

For citation:

Piskovets T. A. Intercultural adaptation of Australian phraseological units (based on Australian literary texts and their Russian translations). In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2024, no. 1.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the ways of translating Australian phraseological units with the national and cultural component into Russian.

Methodology. The research is based on the material collected as a result of comparative analysis of Australian literary texts and their Russian translations.

Results. The research shows that two techniques of non-phraseological translation, namely loan translation and contextual translation, are primarily used to translate Australian phraseological units with the national and cultural component into Russian. Some semantic inaccuracies are also found.

Research implications. The research reveals the principal techniques and strategies in translating vernacular phraseological units with distinct national and cultural peculiarities. The factual material presented in the research and the results obtained on the basis of its analysis can be used in studying the Australian English, as well as in teaching the courses of theory and practice of literary translation in higher educational institutions.

Keywords:

Australian English, contextual translation, national and cultural component, non-phraseological translation, phraseological unit, literary text

References

1. Akopyan Yu. A. *Leksiko-semanticheskie osobennosti avstraliiskogo varianta angliiskogo yazyka (na materiale avstraliiskoi poezii): dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-semantic features of the Australian English language (based on Australian poetry): Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 2003. 159 p.
2. Badmaeva E. S., Shaglanova E. A., Burtseva E. V. [Phraseological units with zoonym components in the Australian English language]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 7, pp. 2251–2257.
3. Vashkyavichus V. Yu., Pavlova O. V. [Problems of translating the Chinese phraseological units in literary discourse]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 12, pp. 304–307.
4. Vinogradov V. S. *Perevod. Romanskie yazyki: obshchie i leksicheskie voprosy* [Translation. Romance languages: general and lexical issues]. Moscow, ID KDU Publ., 2017. 238 p.
5. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [The Untranslatable in Translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2012. 406 p.
6. Gololobova N. I. *Frazeologicheskie edinitsey v proizvedeniyakh D. G. Lourensa i ikh perevod na russkii yazyk: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological units in the works of D. G. Lawrence and their translation into Russian: abstract of Cand. Sci. thesis in Philology]. Kazan, 2020. 23 p.
7. Zhironova I. G. [Phraseological discourse and its transmitting power]. In: *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki* [National Association of Applied Linguistics], 2020, no. 3, pp. 113–122.
8. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Sovremennoe perevodovedenie]. Moscow, R. Valent Publ., 2017. 408 p.
9. Mazirka I. O., Khukhuni G. T. [About the so-called “zero translation”]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 1, pp. 65–70.
10. Oshepkova V. V. [Incorporation of Aboriginal concept “walkabout” into the national Australian worldview]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 94–104.
11. Oshepkova V. V. [Linguocultural type “larrikin” in Australian and New Zealand linguistic cultures]. In: *Aktual'nye voprosy variantologii, kommunikativistiki i kognitivistiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 24 aprelya 2020 g.* [Current issues

of variantology, communication and cognitive science: materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 24, 2020]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet Publ., 2020, pp. 135–138.

12. Romanyuk L. E. *Lokal'naya markirovannost' frazeologicheskikh edinits (na materiale substantivnykh i glagol'nykh frazeologizmov avstraliiskogo varianta angliiskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Local markedness of phraseological units (based on the material of substantive and verbal phraseological units of the Australian English language): Cand. Sci. thesis in Philology]. Moscow, 1979. 132 p.
13. Khukhuni G. T., Valuitseva I. I. *Mezhkul'turnaya adaptatsiya khudozhestvennogo teksta* [Cross-cultural adaptation of a literary text]. Moscow, Prometei Publ., 2003. 171 p.
14. Baker S. J. *The Australian Language*. Milson's Point (NSW), Currawong Press, 1978. 517 p.
15. Richards K. *The Story of Australian English*. Sydney (NSW), NewSouth Publishing, 2015. 292 p.